

Комсомолец Узбекистана
с Ташкент

«И СНОВА СОЛНЦУ УДИВЛЮСЬ»

«Мое имя?» — переспросил он. Мальчишкой отец мог удивительно подражать пению соловья. Соседи прозвали его соловьем, в переводе на азербайджанский это звучит так: бюль-бюль. Оглы — значит сын. Ну, а Полад — мое имя.

Он засмеялся и встал с кресла: «Я ответил на ваш вопрос?».

К заслуженному артисту Азербайджанской ССР, лауреату премии Ленинского комсомола республики Поладу Бюль-бюль оглы у меня, конечно же, были еще вопросы:

— Полад, я знаю, вам неоднократно приходилось бывать в Ташкенте...

— Да, я не впервые здесь. Мой отец часто бывал в Узбекистане. Много ездил по вашей республике с концертами, выступал в оперном театре. У него здесь остались друзья. Приезжая в ваш город, я продолжаю своеобразную традицию дружбы между нашими народами, заложенную много лет тому назад моим отцом, народным артистом Советского Союза, профессором Бюль-бюлем.

— Таким образом, ваш выбор профессии был определен заранее?

— Наверное. Я, учась в музыкальной школе, уже выступал с отцом, аккомпани-

ровал ему. Для наших выступлений и сделал обработку азербайджанских песен, чем очень втайне гордился.

Вскоре попробовал писать сам. А в консерватории педагог, у которого я учился, очень талантливый человек и композитор Кара-Караев, категорически запретил писать песни, мотивируя это тем, что прежде всего надо изучать секреты композиторского мастерства, научиться писать крупные формы, овладеть тайнами оркестрового письма, словом, стать профессионалом, а тогда уже писать то, что захочется.

— А как родился певец Полад Бюль-бюль оглы?

— Однажды я с близким другом поехал в Москву, чтобы записать на радио две песни. Этим другом был Муслим Магомаев, который должен был исполнять их.

В студии зашел разговор о национальных ритмах, о языке. Я сел за рояль и исполнил одну из своих песен на азербайджанском языке. И совершенно неожиданно мне предложили записать их на пленку самому. Я растерялся и позвонил посоветоваться домой. Когда мама узнала, по какому поводу я звоню, сказала: «Не сходи с ума, не позорь имя отца».

Но меня все-таки убедили, и песня была записана. Проз-

вучала по радио. Начали приходить письма с просьбой повторить ее. Позже пригласили записать еще одну песню. И как говорится, «лиха беда начало».

К тому же каждому композитору, поверьте, хочется спеть свою песню так, чтобы донести до зрителя все то, что вложил в нее.

Конечно же, я не профессиональный певец, я прежде всего композитор. И потому никогда не пою чужих песен, боюсь испортить их.

Много работаю в кино, за последнее время я написал музыку к шестнадцати художественным и музыкальным фильмам. На экраны уже вышел фильм «Бабек», о национальном герое Азербайджана. Это — последняя и одна из моих самых важных работ в кино.

— Полагаетесь ли вы на вдохновение или же на то, что принято называть актерской техникой?

— Раньше почти всегда выходил на сцену под вдохновением. Но, конечно, за десять лет работы на сцене многому научился и могу полагаться на свою актерскую технику.

— Как вы относитесь к рецензентам ваших музыкальных работ? Помогают ли

они вам, или, быть может, мешают?

— Как вам сказать... К сожалению, я не припомню рецензий, которые бы чисто профессионально или художественно помогли бы мне в становлении композиторском и исполнительском.

— Существует ли для вас плохой, трудный, любимый зритель? Выбираете ли вы кого-нибудь в партере, кому адресуете свое искусство, или обращаетесь ко всем, сидящим в зале?

— На каждом концерте — разный зритель. При доброжелательной, понимающей публике легко импровизировать, приятно выступать. Но бывает и так, что люди приходят на концерт с плохим настроением. Они не настроены на эстрадную программу. Это мгновенно чувствуешь, и тогда хочется скорее закончить выступление.

А пою я всегда для всех, сидящих в зрительном зале, не обращаясь к кому-либо конкретно.

— Как вы относитесь к своей популярности?

— Сказать, что мне это неприятно, значит сказать неправду. Но к популярности отношусь спокойно.

Беседу с Поладом Бюль-бюль оглы записала Г. ФОМАИДИ.